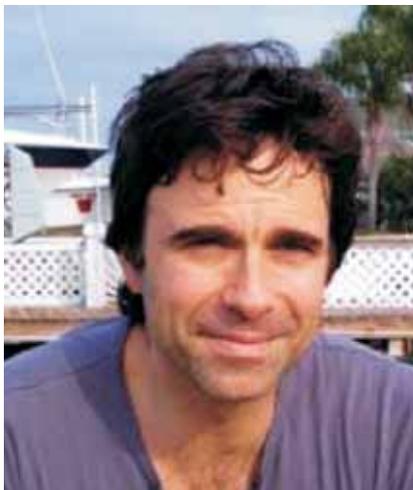

НЕНАВИСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СНОБИЗМ

Стивен Фиш

Стивен Фиш — профессор университета Беркли, Калифорния (США); специалист по сравнительной политологии с особым акцентом на развивающиеся и посткоммунистические страны; автор книг: «Действительно ли мусульмане особенные?» (2011), «Сошедшая с рельс демократия: провал открытой политики в России» (2005), «Демократия с нуля: оппозиция и режим в новой русской революции» (1995)

■ *От каких факторов зависит градус ненависти и отчуждения между элитами и массами? Какие есть клапаны выхода этой ненависти? Есть ли у демократии преимущества в плане канализации этой ненависти?*

Некоторая неприязнь к элитам свойства любым политическим системам, в том числе, и вполне демократическим. Но в демократии эта неприязнь не носит устойчивого характера. Как только заканчиваются выборы и к власти приходит новая партия, люди говорят себе: «Здорово, по крайней мере, мы можем как-то влиять на состав правительства». Так, на-

пример, в США антиэлитные настроения претерпели изменения после ноябрьских выборов 2010 года: гнев значительно снизился, потому что республиканцы вновь захватили контроль над палатой представителей.

В случае же Египта или Туниса, где у власти десятилетиями сидит диктатор, такого клапана нет, массы не имеют возможности выразить свое мнение, и гнев накапливается. При таких режимах гнев против элит достигает высокого уровня. Более того, эти режимы склонны к слиянию экономической и политической власти. Такое слияние неизбежно приводит к тому, что гнев и возмущение со стороны масс становятся в разы сильнее.

■ *Когда мы говорим о том, что массы недолюбливают элиты, о каких именно слоях идет речь? О бедноте, о среднем классе или о какой-то другой социальной группе?*

Все зависит от конкретной ситуации. В случае Египта и большей части арабского мира основное недовольство против режима исходит от бедных, которые являются большинством в этих странах. А, например, в Иране, где режим пользуется поддержкой, по крайней мере, какой-то части бедноты, самым очевидным источником недовольства является средний класс, который чувствует себя отстраненным от дел. Это верно и для России.

Здесь ситуация вполне напоминает иранскую. Владимир Путин — довольно популярный в народе авторитарный правитель. В отличие от Египта, где негодует почти все население, недовольство к Путину разделяет не более половины населения, а может и меньше. В России, как и в Иране, наибольшее негодование происходит от среднего класса. Новый средний класс чувствует себя не у дел.

Режим Путина добился своего рода социально-экономического соглашения, которое позволяет созданной Путиным олигархией стяжать огромное богатство. Путину довольно неплохо удается контролировать недовольство бедных людей — он постоянно поднимает пенсии, он добр к пенсионерам. Так что в России наблюдается своего рода альянс между самыми богатыми и самыми бедными.

Основное недовольство «путинизмом» накапливается в промежуточных сорока процентах населения. Средний класс находит отвратительными некоторые из поз «национального лидера» — например, Путин верхом на коне. Более того, средний класс оказался исключен из экономических процессов: после финансового кризиса он не получает никакой особой выгоды от экономических программ Путина.

■ *В России достаточно распространена и обратная ненависть — презрительное отношение представителей элиты к низшим слоям общества. С чем связано такое отношение и насколько оно распространено в других контекстах и странах?*

Чем шире политическая и экономическая пропасть между высшими и низшими классами, тем больше презрение к народным массам со стороны элит. Так, например, во многих странах Латинской Америки, где социально-экономическое неравенство больше, чем в России, многие представители высших слоев общества смотрят на представителей низших слоев общества как на «недочеловеков». Когда представители высших слоев общества Бразилии или Аргентины говорят о бедных людях, то порой не верится, что они рассуждают о людях. Мне кажется, что причина

такого отношения в том, что беднота находится в чудовищно униженном положении — у них нет начального образования, у них нет тех простых вещей, которые представители высших слоев общества принимают как данность. Поэтому элита видит в бедных угрозу, буквальный физическую угрозу.

Этот феномен имеет интересное воплощение в России. В России заметно меньше неприкрытого презрения к бедным со стороны элит, основанного на экономических показателях, зато наблюдается больше презрения к ним по интеллектуальным и культурным критериям. Многие интеллектуалы, которые отнюдь не богаты и даже не относятся к элите общества, проявляют к массам описанное выше презрение. **В России меня всегда поражал тот факт, что интеллектуалы или представители науки в своих речах часто используют слова «они, народ»,**

будет разрушительной. Можно назвать это «горячей яростью». Однако существует также и «холодная ярость», которая является конструктивным недовольством, побуждающим людей объединяться для борьбы против несправедливости. Такая ярость основана не на ненависти к элите как таковой, а, скорее, на желании улучшить жизнь соотечественников.

Те, кто встает во главе подобных антиэлитных движений, как правило, мотивируются разными целями. Те, кем движет ненависть, скорее всего, на каком-то этапе прибегнут к насилию. Это случилось в ходе иранской революции 1979 года. Тогда верх одержали самые озлобленные силы из числа революционного движения, которые тут же приступили к расправам.

Но то, что мы наблюдали недавно в Египте, носит другой характер. Этими людьми вряд ли дви-

тех, кто на самом деле выступает против власти?

Я могу перечислить несколько факторов. **Во-первых**, россияне от тридцати лет и старше хорошо помнят тяжелые экономические испытания, выпавшие на долю России в девяностые годы XX века. Люди, как мне кажется, ошибочно ассоциируют демократию с экономическим спадом — просто так случилось, и сталинская экономическая система развалилась одновременно с наступлением демократических перемен в стране. Какой бы политический режим ни существовал в те годы в России, ужасный экономический спад был неминуем. Потом к власти пришел Путин — экономика пошла на поправку, и люди стали ассоциировать Путина и его режим с повышением уровня жизни. Мне кажется, это одна из причин того, что люди отождествляют его правление с тем, что Россия вновь утвердила за собой принадлежащее ей по праву место среди великих держав мира.

Во-вторых, оппозиция в России в основном состоит из тех самых снобов-интеллектуалов, о которых мы говорили раньше, которые сами относятся к своему народу с некоторой долей презрения. За время своих исследований в России (с 1980-х годов и по сей день) я часто обращал внимание на то, что такие лидеры, как Григорий Явлинский или Егор Гайдар, рассуждая о простых людях в своих частных беседах и публичных выступлениях, позволяли себе презрительное отношение к ним. **В России в оппозиционной среде бытует своего рода интеллектуальный снобизм, который вряд ли нравится простым людям.**

В-третьих, большинство лидеров оппозиции находятся совершенно вне связи с народом. Вот, например, Гари Каспаров — это прекрасный шахматист, но он совершенно ничего не смыслит в политике. Для организации рядов оппозиции требуется такой человек, как Ельцин, или Путин, или Клинтон. ■

Юлия Нетесова специально для Ярославского Форума

В России в оппозиционной среде бытует своего рода интеллектуальный снобизм, который вряд ли нравится простым людям

как будто речь идет о каких-то далеких людях. Говоря о «народе», они не подразумевают себя, выражение «наш народ» в их устах означает «все кроме нас, интеллектуалов», «все, кроме хорошо образованных людей». В США, например, нет ничего подобного: там, наоборот, распространен интеллектуальный популизм. Никто в США даже не называет себя «интеллектуалом». В России же это допустимо и, в целом, можно сказать, что в России распространено снобистское отношение к «неумытым народным массам».

■ *Может ли ненависть народных масс к элитам вызвать какие-либо конструктивные перемены в обществе?*

Ключевым фактором тут является характер, который приобретает эта ненависть — это насилие или стремление к реформам. Любого рода ненависть, переходящая в насилие, в конечном итоге,

жет ненависть. Многие простые люди даже исполнены духом прощения лидеров режима. Ими скорее движет желание свергнуть старую систему. Вспомните события в Чехословакии в конце 1980-х. Вацлав Гавел был явно плохого мнения о старой элите и коммунистической системе в целом, но его основной мотивацией была не ненависть, а желание исправить несправедливое положение. Поэтому, когда он пришел к власти, он не стал расстреливать лидеров Компартии, наоборот — он приветствовал тех, кто хотел присоединиться к его сторонникам, предоставив другим спокойно уйти в отставку и не беспокоиться за свою жизнь. Такого рода подход дает стране больше шансов на будущее, чем движимая ненавистью ярость. Это вполне понятно.

■ *Почему российская оппозиция не может заручиться поддержкой народных масс? Почему ненависть народа направлена в том числе и на*